

ВЕЧНЫЕ ОБРАЗЫ

Н.В. Стороженко

СТРАХ СМЕРТИ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Аннотация. Статья автора посвящена рассмотрению феномена смерти в современном мире. В данной статье проводится последовательный анализ отношения индивида к феномену смерти на основании классических текстов (Артур Шопенгауэр, Филипп Арьес, Эрих Фромм и т.д.) в совокупности с рядом статей современных авторов. Цель данной работы – выявление факторов современной действительности, которые являются регулятивными в вопросе формирования специфического отношения индивида к феномену смерти и его дальнейшей перспективы. Поскольку данный вопрос носит философско-антропологический характер, анализ данной статьи стремится сохранить связь с такой опытной составляющей человека как прогрессивные технологии. Результатом работы является обнаружение специфических взаимосвязей феномена смерти с прогрессом и фантазмом, выявление специфики символизма феномена смерти в современном мире, расширение списка модусов иммортализации, а также намечаются перспективы дальнейшего развития феномена. Так как феномен смерти философски предстаёт одним из экзистенциалов человеческого бытия, то спектр применения наработок статьи оказывается достаточно широким.

Ключевые слова: феномен, смерть, индивид, иммортализация, символический, страх, прогресс, фантазм, экзистенциализм, жизнь.

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of death these days. In this article Storozhenko performs the successive analysis of an individual's attitude to death based on classical works written by Arthur Schopenhauer, Philippe Ariès, Erich Fromm, etc. and a number of research articles written by contemporary authors. The purpose of the present research is to define factors of modern reality that regulate the development of a specific attitude of an individual to the phenomenon of death as well as further prospects of these factors. Considering the fact that this issue is of philosophical and anthropological nature, the analysis of the present article touches upon advanced technologies as the element of human experience. As a result of the research, Storozhenko finds out that there are specific relationships between the phenomenon of death and progress and phantasm, describes specific features of the symbolism of death in a modern world, extends the list of immortalization moduses and outlines the prospects for the further development of the phenomenon. From the philosophical point of view, the phenomenon of death constitutes one of human existentials, therefore there is a wide scope of practical fields the results of the research may be applied to.

Keywords: progress, fear, symbolic, immortalization, individual, death, phenomenon, phantasm, existentialism, life.

Смерть и символ

Древний человек верил в мифы и сказания, и переживал свою жизнь в трепетном ожидании её завершения и приношения даров, дабы не прогневить богов и не навлечь их кары. Средневековый человек верил в единого Бога и трагичность своей конечности, овеянной полумистическим духом. Смерть он воспринимал с животным страхом, спасая душу в аскезе или забываясь от тяжелых помыслов в эпикурианском грехе. Человек Возрождения получил надежду, увидев красоту и поэзию в вытесанных и сотворённых его руками шедеврах. Смерть по-прежнему была страшна, но искусство

таинственно намекало на что-то запредельное. Человек Нового времени стал прогрессивен – он взял в руки компас и карту, и возвеличил науку. Смерть стала чем-то близким, но трагичность конечности получила надежду быть разрешённой. Человек Новейшего времени стал противоречив – вознёс к вершинам мысль и научился торговать, и смерть стала насущной поэзией и рациональным разрешением брэнного мира... Затем наступил прогресс XX века, который подарил новое ожидание бесконечности.

Каков же человек XXI века и во что он верит? Чего страшится? Что придаёт надежду ему? А может быть, надежды и вовсе нет?...

Человек любого исторического времени приходил в этот бранный мир со страхом смерти. Наш современник – не исключение. Он также страшится той неизвестности, которая скрыта за черной пеленой закрытых глаз. Он томится в ожидании неизвестности и неустанно задаётся вопросом, что же стало с теми несметными полчищами таких же, как он людей, которым выпала доля пройти свой путь раньше. Такое настроение безысходной тоски очень хорошо передают строки Байрона:

*Как ты, я жил, любил и пил –
И умер я. Земля могила
Живится прочими костями ...*

Или же в стихах Марины Цветаевой мы находим всё то же удручённое настроение:

*Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.
Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.
И будет жизнь с её насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все – как будто бы под небом
И не было меня!...*

Страх смерти – это неизбежная данность каждого индивида, это часть инстинкта, дарованного ему природой дабы сохранить жизнь, за который он расплачивается сознательным или бессознательным переживанием экзистенционального конфликта.

Наиболее философски полное и функциональное описание механизма страха смерти дал Артур Шопенгауэр в своем труде «Смерть и её отношение к неразрушимости нашего существа». Автор говорит о том, что каждому индивиду наравне со страхом смерти присуща воля к жизни. Именно она является источником страха перед лицом грядущей неизбежности. Не разум порождает страх, а воля к жизни, для которой он выступает противоборствующей силой. «Таким образом, с точки зрения познания, нет решительно никаких причин бояться смерти; но именно в познавательной деятельности состоит сознание; значит для последнего смерть не есть зло. И на самом деле, боится смерти не эта

познающая сторона нашей я: исключительно от слепой воли исходит бегство от смерти, которым проникнуто все живущее. А для воли это бегство, как я уже говорил, существенно именно потому, что это – воля к жизни, которой (воли) вся сущность заключается в тяготении к жизни и бытию и которой познание не прирождено, а лишь сопутствует вследствие её объективации в животных индивидуумах» [1]. Шопенгауэр говорит о том, что страх смерти у любой животной особи, в том числе человека, есть явление инстинктивное, бессознательное, поддающееся контролю разумом, в случае если он приобретает должное развитие и зрелость. И чем ближе мы к осмыслению своей конечности (религиозному или философскому), тем менее страшна смерть для нас.

Шопенгауэр не просто описал роковой дуализм человеческой сущности. Он посчитал, что ко всей прочей откровенности, лишённой искры божественного спасения, приложил эликсир исцеления. Индивид должен воспринимать себя как часть нескончаемого потока жизни. Ведь только это и важно – существование вида. Мы не покинем этот мир бесследно – часть наших тел найдет свое продолжение в потомках, пусть даже только в качестве органических останков питающих будущую жизнь. И Шопенгауэр прав. Индивид действительно может найти успокоение, если не в объятиях всемогущего милосердного Бога, то в готическом упоительно-сладостном принятии своей конечности. Однако воля к жизни у Шопенгауэра – это почти инстинкт. Чтобы избавиться от страха смерти, нужно его подавить. Но можно ли подавить его разумом, пусть даже самым прекрасным?

Артур Шопенгауэр подарил миру свой шедевр за много десятилетий до исследований Зигмунда Фрейда, поэтому в нём представлены общие, скрытые от разума механизмы, не обоснованные в их истинной силы. Страх смерти – это инстинкт, с которым индивид приходит в этот мир и живет с ним рука об руку до самого последнего вздоха. В его функционал входит продление жизни. Но трагедия человека в том, что наравне с инстинктом ему даровано другое – то ли благословление, то ли проклятье – разум. Однако для разума вопрос человеческой конечности оказывается принципиально неразрешимым. Мысль лишь способна притупить страдания, но не лишить окончательно страха перед небытием. На грани этого можно обнаружить самые интересные модификации отношений человека и страха смерти на протяжении

веков. К таким модификациям относятся способы иммортализации.

В своей статье «Символика жизни и смерти» Э.М. Спирова рассматривает пять модусов бессмертия. Она описывает механизмы, при помощи которых человек стремится себя утвердить в бессмертии – биологический (биосоциальный), теологический (духовный), творческий, природный модусы и опытная трансценденция. Так, биологический (биосоциальный) модус даёт надежду на жизнь в потомстве, теологический модус – предлагает своеобразную версию увековечения в религии, творческий модус дарит надежду на продолжение жизни в своих творениях, природный модус – предлагает увековечивание через природу, её вечную силу, а опытная трансценденция – это попытка обрести себя в изменённых формах сознания. Эти механизмы, если взглянуть на них под другим углом, в равной степени оказываются в роли проекторов страха смерти. Стремление увековечить себя, избежать смерти, пусть даже в символическом проявлении, – констатация страха. Таким образом, данные механизмы можно рассматривать как механизмы преодоления страха смерти. Но откуда возникает ресурс, питающий страх смерти и, следовательно, такое разное отношение к смерти на протяжении исторического времени? Э.М. Спирова пишет: «Чтобы тот или иной модус бессмертия сохранял свою значимость, он должен тесно соотноситься со специфическим опытом, присущим данному историческому периоду. Отсюда непрерывная перестройка и новое утверждение этих модусов» [2, с. 76]. Специфический опыт всегда наполнен символическим. Возникает пограничная взаимосвязь между страхом смерти и символическим полем, на границе которой функционируют модусы. Отношение к страху смерти у индивида видоизменяется в зависимости от функциональности символического поля, характерного для определённого исторического периода.

Однако нужно понимать, что символическое поле – динамическое. В отношении такого динамизма присутствует две точки зрения. «Согласно мнению некоторых исследователей, символы влияют на ход человеческой жизни только в своей частной, исторически обусловленной форме. Какой бы универсальностью (структурной и содержательной) они не обладали, сама по себе эта универсальность ни на что не воздействует. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой действенность символов заключается именно в этом

свойстве универсальности, принимающей разнообразные исторические формы» [3, с. 127].

Таким образом, эти две точки зрения представляют нам следующее: с одной стороны мы имеем некоторую символическую универсальность с перманентным воздействием на индивида – символы едины в своем проявлении из века в век; с другой точки зрения, мы имеем те символы, которые существуют подобно платоновским идеям – находят свое отображение в вещах – конкретных исторических проявлениях – материальных, активных и т.д. Как бы то ни было, я склонна считать, что эти две точки зрения должны быть преподнесены в совокупности при рассмотрении феномена смерти. Феномен смерти – это вопрос философско-антропологического порядка, который мы не можем рассматривать без вмешательства человеческого опыта. Человеческий опыт всегда сопряжён с внешними обстоятельствами. Безусловно, символизм смерти можно считать неизменной бессознательной структурой. Однако не стоит исключать такое явление как приход смерти под воздействием внешних факторов – болезни, стихии и т.д. Все это даёт нам возможность полагать, что ряд символов является порождением или «припоминанием», если угодно, культуры, на которую непосредственное влияние оказывают факторы объективно-исторического характера, такие как катаклизмы, войны, эпидемии. Именно эта часть общего символического поля оказывает непосредственное влияние на формирование индивида в контекстно-историческом значении. Поскольку он не может остаться в стороне от культурно-исторического процесса, являясь одновременно её активным творцом и объектом. Индивид так или иначе оказывается под влиянием объективных факторов.

Например, “Чёрная смерть” (эпидемия чумы в XIII-XIV вв. н.э.) за 10 лет своего поветрия унесла жизни порядка 60 млн. человек, изменив не только экономически-демографический аспект и даже генетику человека, но и оставила после себя неисчислимо количество символов страшной мучительной смерти, от взаимодействия с которыми даже современному индивиду становится весьма не по себе. До этой страшной эпидемии Западная Европа совершенно иначе воспринимала смерть. «Расстояние между жизнью и смертью не воспринималось, по мнению философа Владимира Янкевича, как некая “радикальная метабола”. Не было представления об абсолютной отрицательности, о разрыве перед лицом пропасти, где нет больше па-

мяти. Люди не испытывали также головокружения и экзистенциальной тоски, или по крайней мере ни то, ни другое не находило себе места в стереотипных образах смерти. Зато не было и веры в простое продолжение жизни по ту сторону земной кончины» [4, с. 53]. Именно в период эпидемии чумы, например, рождается один из основных символов смерти, который находит отображение в культуре по сегодняшней день – *danse macabre* (пляшущие скелеты). И именно в период чумы католическая церковь в Западной Европе начинает наращивать своё влияние – человек ищет спасения в теологическом модусе.

Другим примером может служить расцвет творчества и культ всего прекрасного в эпоху Ренессанса, когда общее моральное разложение церковного института влечёт смещение основного способа иммортализации из модуса теологического в модус творческого. Это дарует миру множество прекрасных символов творческого гения и красоты, человек начинает осознавать свою индивидуальность. «Ни об одной культуре вплоть до Нового времени нельзя было сказать, что стержнем и основой её развития был поиск индивидуальности, стремление уяснить и обосновать независимое достоинство особого индивидуального мнения, вкуса, дарования, образа жизни, то есть самоценность отличия [5, с. 217]. Или, например, обратимся к периоду Великой французской революции, которая явила миру столь нетленный ныне символ революции и народного сопротивления – красное знамя. Хотя оно и не было овеяно ореолом религиозности, однако обращалось к вере человека в самые незыблемые духовные ценности – свободе, справедливости, любви, жизни. Здесь я думаю можно констатировать привязку к трансцендентной иммортализации. Примеров – множество. Более того, подобную взаимосвязь между символическим полем и модусами иммортализации можно проследить в контексте каждого отдельно взятого периода истории.

Таким образом, восприятие феномена смерти в контексте общего исторического времени всегда сопряжено со страхом смерти. Страх смерти – часть инстинкта, который невозможно преодолеть. Индивид обречён на мучительное переживание факта своей конечности, сознательно или бессознательно. Временное утешение он может находить в способах символической иммортализации, которые всегда динамичны и связаны с конкретным историческим периодом через символическое поле. Символическое поле наполнено символами – в первую

очередь теми, которые формируются под воздействием стихийных природных катаклизмов, политических событий или сознательных социально-экономических изменений.

Возвращаясь к теме нашего исследования, возникает закономерный вопрос – какие же факторы определяют и формируют отношение к смерти в современном западно-европейском обществе?

Смерть – вновь представленный старый знакомый

Филлип Арьес в своей книге «Человек перед лицом смерти» проводит интересный и очень актуальный анализ, рассматривая явление культуры через призму исторического отношения человечества к смерти. Проложив длинную тропу от Раннего средневековья ко второй половине XX в., автор приходит к заключению, что феномен смерти современного общества сопряжён с отрицанием. Индивид попросту не хочет знать о смерти, «страшится», пряча её мрачные одежды за дверями больниц, хосписов и комнат. Он стыдливо избегает болезненных бессознательных чувств, вызываемых запахом и неприглядностью органического разложения. Так, С.В. Роганов пишет: «... феномен, отмеченный Филиппом Арьесом – «стыдиться смерти» характерен для современных обществ различного уровня развития и культурных традиций» [6].

Однако не стоит забывать, что глобальный труд Арьеса обрывается на 70-80-ых гг. XX в. Подарив нам неисчерпаемый источник информации о феномене смерти и его развитии на протяжении столь огромного исторического периода, книга столь ценная в вопросе исследования этого сложного явления, полезной оказывается лишь в преломлении для рассмотрения современного взгляда на феномен смерти. «Стыдливая смерть» Арьеса оказывается неактуальной для человека XXI века. Мыслящий человек настоящего всё-таки хочет знать о смерти, хочет её обуздать, но никак не найдёт в себе смелости взглянуть ей в глаза.

У современного индивида, как у его предков имеются свои рамки, определяющие характер его взаимодействия с феноменом смерти и модусами иммортализации. Из общего многообразия я склонна выделить несколько определяющих факторов развития современного общества – развлекательные, социальные и прогрессивные технологии, объединённые общим коммуникационным медийным пространством. Они выступают своеобразными

маркерами отношения современного индивида к феномену смерти.

Рассмотрим первый фактор. Современное западно-европейское общество давно шагнуло в эру, когда права индивида защищены целым рядом законов. Инстинкт выживания отодвинут на задний план под воздействием относительного комфорта и безопасности. Другими словами, индивид не сталкивается с угрозой жизни и нарушением личных прав так часто, как приходилось нашим предкам. Не стоит забывать, однако, что каждый довод имеет свои негативные проявления. Комфорт современной жизни всегда сдобрен обилием визуальных образов, окружающих индивида (социальные сети, компьютерные игры, кино и т.д.). Опасность этих образов в том, что они часто намеренно эксплуатируют определённые архитипичные структуры, побуждая индивида к душевной активности, попросту даруя возможность переживать чувства, источником которых не является реальный объект (будь то индивид или вещь). Очень часто, не имея возможности или желания соотносить свои действия с настоящей реальностью, индивид оказывается замкнут в фантазматической реальности. Таким образом, адекватность восприятия настоящей реальности утрачивается. Это касается и отношения к феномену смерти. Смерть становится чем-то, что происходит с другими или же, принимая более радикальную форму, становится некой игрой. Мы можем, например, наблюдать популярность фильмов, где насилие и смерть преподносятся в шуточной форме (фильмы Квентина Тарантино, Гая Ричи, Роберта Родригеса), или компьютерных игр, где персонаж персонифицируется с его создателем/пользователем и может быть убит другим персонифицированным персонажем в любой момент (World of War Craft, Counter Strike и т.д.). Таким образом, динамика феномена смерти в современном обществе приобретает статус навязчивой. О смерти часто говорят как об отстранённом явлении. Феномен смерти – это явление, которое неизменно оказывается в рамках личного экзистенциального переживания. Этот ценный, с точки зрения становления личности, момент, слишком часто подменяется фантазматическим. Индивид предпочитает идти более легким путем, исключая намеренную душевную работу. Страх оказывается проще подменить созданием новой интерактивной реальности, где, как это не парадоксально, смерть оказывается повсеместной. Это создаёт иллюзию контроля. Кратковременные эмоциональные переживания притупляют страх,

приносят некоторое недолгое облегчение. И в погоне за этим облегчением человек всё сильнее втягивается в виртуальную реальность.

Однако современное общество нельзя рассматривать в единичных рамках. Индивид всегда разнообразен в своих социальных проявлениях. Так, нужно учитывать, что пассивной позиции индивида всегда противостоит активная. Иначе, человеческий род был бы лишён возможности прогресса. Такой подход к рассмотрению феномена смерти даст нам возможность взглянуть на него под иным углом. Я предлагаю рассматривать активную позицию индивида, сопряжённую с его социальными установками, такими как запрет абортов, запрет смертной казни, эвтаназии и т.д. Эти установки являются важными маркерами в демократизированном западноевропейском обществе.

Ф.Н. Ильясов, в своей статье «Феномен страха смерти в современном мире», рассматривает все эти понятные с точки зрения морали и современного демократического общества, побуждения человека, как «символическую» попытку избегания собственной смерти. Автор говорит, что аборт индивид страшится по причине возможной депопуляции общества, частью которой является. Смертная казнь – бессознательное олицетворение себя с приговорённым к смертной казни, эвтаназии, когда спасение осуждённого или больного приобретает значение «символического» спасения себя. Я думаю, что запрет эвтаназии – это также символическая попытка оградить себя от посягательств другого на нашу жизнь. Это попытка избегания собственной беспомощности перед лицом смерти.

Если принять утверждение Ф.Н. Ильясова за константу, можно ли предположить, что чем больше индивид борется за права и спасение, тем сильнее это указывает на возрастающий страх смерти? Возможно ли здесь усмотреть ещё один модус имортализации – социально-активный, который наряду с другими может оказаться актуальным именно для нашей современности? Конечно, здесь может возникнуть закономерный встречный вопрос – что общего между актом проявления моральных социальных установок и страхом смерти?

Убедительный ответ Ф.Н. Ильясов находит в «нормативах смерти». «Отдельные группы людей, общество в целом, вольно или невольно устанавливают, принимают по умолчанию определённые «нормативы смерти». Например, казнь невиновного человека в результате судебной ошибки, обнаруживающаяся раз в несколько лет, вызывает бурю

негодования и требование запрета. Однако ежедневная гибель сотен и тысяч людей в результате дорожно-транспортных происшествий не провоцирует никакого возмущения и уж тем более не вызывает требований запретить автомобили как таковые» [7]. Или, например, «весьма характерно, что лица активно выступающие против умерщвления бродячих собак, как правило, не выступают также активно за помощь, например, бездомным детям. Возможно, дети вида *Homo sapiens* представляются им в определённом смысле «чуждыми животными». Выступая за неприкосновенность «тотемного животного», человек бессознательно защищает свою жизнь и это, в конечном счёте, всего лишь одна из форм проявления страха смерти. Таким образом, есть некоторые основания предполагать, что «любовь» к «беспольным» квартирным животным типа кошек и собак это всего лишь форма проявления «тотемизированного» страха смерти. Возможно, чем выше страх смерти, тем «сильнее» любовь к указанным животным» [7].

Однако «тотемным животным» для человека может выступать и сам человек. Данный механизм защиты мы можем наблюдать в вопросах противостояния активистов против смертной казни, эвтаназии, запрета аборт и т.д. Человек защищая «человека» от смерти, на самом деле защищает себя. Здесь возникает следующий вопрос – не является ли данная борьба также частично фантазматической? Всегда ли социальная активность современного индивида определена его моральными установками?

В случае с активным индивидом, как и с пассивным, особую роль в их коммуникации играет медийное пространство, которое поддерживает и усиливает фантазматическую реальность посредством транслируемых визуальных образов. И если в первом случае – индивид всё сильнее погружается в фантазм, то во втором – морально-социальные установки начинают претерпевать искажения, теряя свою истинную суть. Ярким примером может служить механизм обмена информацией в социальных сетях, когда индивид, в своем желании привлечь как можно большее количество людей к просмотру своего аккаунта, использует публикации о сборе денег для потерпевших, больных людей или помощи животным, или статьи о борьбе за права определённых слоёв общества и т.д.

Таким образом, картина мира пассивного индивида, как и картина мира активного индивида, даёт нам чёткое понимание того, что в современном

западноевропейском обществе тема смерти приобретает всё более и более навязчивое значение. Спасение в фантазматической реальности не приносит желаемого облегчения. Как не парадоксально, в фантазматическом преломлении феномен смерти оказывает более бурное влияние на индивида, что сильнее и быстрее укрепляет его невротизм, чем при естественном экзистенциальном переживании.

Как бы то ни было, если сравнивать пассивную позицию индивида, который находит спасение в своей замкнутой фантазматической реальности, активный индивид решает эту проблему максимально конструктивным путём, не замыкаясь окончательно на своей реальности. Это создаёт динамический субъект, который имеет потенцию к возникновению духовного конфликта и, соответственно, к его возможному экзистенциальному разрешению и уходу от невротизма. Но это в частности.

Что же создаёт предпосылки к таким взаимоотношениям между современным индивидом и феноменом смерти?

Смерть «в прогрессе»

Так Э.М. Спирова в своей статье помимо основных модусов бессмертия выводит ещё один, весьма актуальный – «преображение человеческой природы». Автор указывает на то, что этот модус взаимосвязан с ускоряющимся техническим прогрессом. Проблематика данного модуса заключается в том, что если раньше индивид мог только мечтать о своём материальном бессмертии, то сейчас эта призрачная идея от десятилетия к десятилетию приобретает всё более отчетливые формы. Человек глубже познаёт свой организм и научается им управлять. Для примера можно рассмотреть последние достижения в трансплантологии. Так, «к концу XX века в медицинскую практику прочно вошли операции по пересадке сердца, почек, печени, легких, поджелудочной железы, роговицы и других органов. В 1998 г. была проведена пересадка кисти руки, в 2007 г. – пересадка нижней части лица, в 2008 – трансплантация обеих рук. В начале XXI в. трансплантология начала переходить к новым технологиям – пересадке органо-тканых комплексов, включающих в себя органы и близлежащие сосуды, нервы и т.д., и сочетанных пересадок, при которых реципиенту одновременно пересаживается несколько органов (сердце и лёгкое, поджелудочная железа и почка и т.д.)» [8]. Для человека, который на протяжении тысячелетий томился в ожидании

смертного часа, безутешно пытаюсь найти спасение то в разуме, то в искусстве, то в безудержном грехопадении, эти утешительные данные совершеннейшим образом меняют картину мира. То, о чём мечтали его некоторые смелые предки, вдруг приобретает перспективу стать реальным – жить вечно и не бояться смерти. Конечно, природа не так проста, поэтому можно смело утверждать, что человечество ещё не так близко к раскрытию тайн жизни. Тем не менее, последние данные часто заставляют содрогнуться. Все это приводит к тому, что количество людей, с перспективой избежать смерти от болезней или случайных инцидентов, растёт. Это, безусловно, положительная динамика. Тем не менее, здесь существует оборотная сторона медали, как то, что возможности трансплантологии не столь безграничны. Обратиться хотя бы к ресурсу – донору, который тоже является активно действующим (в более редких случаях, касающихся пересадки органов, имеющих пару (например, почки) или с возможностью частичного заимствования (например, печень)) или уже не действующим индивидом. Потребность в донорстве растёт. Чтобы удовлетворить её медицина вынуждена искать новые пути, такие как изменение критерия, определяющего момент констатации смерти человека. Если ранее, примерно до середины XX в., единственным критерием являлся, так называемый кардио-пульмонологический (биологическая смерть), из которого не выделялись пограничные состояния (например, коматозная смерть), то с развитием реаниматологии, человек приобрёл возможность управлять этими пограничными состояниями. Таким образом, понятие биологической смерти сместилось. Появилось понятие запредельной комы, которая стала именоваться «смертью мозга». Смерть мозга позволяет констатировать смерть человека, но организм при этом искусственным путём поддерживается в жизнедеятельном состоянии. Т.е. внутренние органы предохранены от разложения искусственным поддержанием организма. Но потребность в донорстве, как было указано выше, неустанно растёт. Поэтому сейчас перед медициной стоит другой вопрос – очередное изменение критерия смерти. В качестве нового критерия предлагается рассматривать критерий «смерти коры головного мозга». Но тогда в зону донорства попадают анцефалы – младенцы с врожденной аномалией, у которых нет коры головного мозга. Они могут, например, улыбаться и чихать. Но социально нежизнеспособны, и погибают через некоторое время. Но здесь действительно

возникает сложный моральный вопрос, как пишет С.В. Роганов: «Опасность нового критерия проявляется не только в отношении к детям с серьёзными врождёнными дефектами развития, но и в отношении к больным в пассивном вегетативном состоянии (ПВС), т.е. к тем, кто «ведёт» растительный образ жизни на больничных койках» [6]. Данная тенденция развития медицины имеет прямое воздействие на формирование определённого восприятия смерти. Смерть приобретает ореол побеждённой, или, если угодно, близкой к тому, чтобы быть побеждённой.

Безусловно, глобально прогресс не остаётся замкнутым в рамках биологических и медицинских исследований и открытий. Однако именно они обуславливают захват проблематики органической жизни человека, в которую упираются современные исследования, направленные на её поддержание или продление. Безусловно, на общий фон проблематики феномена смерти влияют также, например, компьютерные технологии. Поэтому для общего понимания картины явления в современном обществе, важно рассматривать всё в совокупности.

Самым важным критерием оценки проблематики оказывается информационное пространство, открытое и доступное для большинства индивидов (интернет, телевидение и т.д.), которое предоставляет нам несколько искажённую картину реальности, которая в силу особенностей психики человека, оказывает на него воздействие. Социальные сети и СМИ неустанно рассказывают об инцидентах, ведут блоги, собирают деньги на трансплантацию, рассказывают о новых достижениях, новых компьютерных технологиях, способных спасти жизнь и т.д. Таким образом, смерть уже не прячется за дверями клиник и хосписов. Она вышла на улицы, или, если угодно, на просторы медийного пространства, где ей неустанно «противостоит» фантазм. Человек знает, что она рядом и фактически дышит в спину, но признавать этого не хочет. Он не желает покидать свою фантазматическую реальность. Он смотрит смерти в лицо, но не имеет смелости взглянуть в глаза. Поэтому отношение к феномену смерти в начале XX века я склонна именовать «смерть слепая».

Таким образом, являясь одним из самых прогрессивных направлений в медицине, трансплантология, наравне с другими медицинскими и биолого-генетическими исследованиями, предоставляет возможность продления человеческой жизни, или же преодоление её конечной грани в частных моментах, когда человек, например, по-

сле аварии, теоретически попадает в зону риска смерти. Современные технологии не оказываются сокрытыми в кругах только сведущих профессионалов. Телевидение, газеты и иные разновидности СМИ предоставляют индивиду возможность информационного владения ситуацией. Современный человек, будучи представителем прогрессивного общества, предпочитает полагаться на науку, таким образом находя спасение от смерти в модусе преобразования человеческой природы. Это имеет свои последствия, касающиеся прежде всего трудности морального выбора. Перспективно ситуация складывается в сторону отхождения от истинной духовной сути человека. Индивид все яростнее стремится спасти свое тело, непреднамеренно при этом утрачивая душу. Здесь возникает следующий закономерный вопрос – какие же причины обуславливают именно такую трактовку феномена смерти в современном западноевропейском обществе?

Глобальная проблема

Феномен смерти – это философско-антропологическая проблематика. Поэтому в глобальном рассмотрении вопроса нужно учитывать противоречивость человека, учитывать всю специфику такого философско-антропологического подхода. «Здесь более уместен драматический характер изложения, ибо здесь происходит не мирное развитие понятий и теорий, а столкновение борющихся сил. История антропологической философии полна глубочайших человеческих страстей и эмоций» [10, с. 104].

Безусловно, главная сложность в рассмотрении вопроса человека кроется в выборе подходящей точки зрения на его сущность. Можно, безусловно, сколь угодно долго рассуждать, например, в терминах просвещенческой философии о том, что человек разумен, и этот разум всегда должен, или даже скорее – обязан, взять верх над животной сущностью. Или взять на вооружение специфические изыскания философии жизни о человеческом натурализме, и о том, что человек по сути самое страшное и коварное животное, и только социум способен сдерживать его маниакальную и повсеместную деструктивность. Однако, склоняясь к выбору любой философии, не стоит упускать тот факт, что человек в контекстно-историческом значении оказывается существом пассивным. Он всегда – жертва времени, в котором живет, жертва общества или даже жертва семьи. Мы должны

осознавать эту ответственность и предпринимать попытки воспитания человека. Однако истинное духовное воспитание не может быть планомерным. Иначе оно теряет всю свою ценность. Истинное духовное возвращение всегда должно быть укоренено в поле экзистенции, в рамках личного интимного переживания. Тем не менее, мы можем стремиться создавать такую воспитательную среду, когда человек захочет самостоятельно прийти к пониманию своей собственной проблематики. А такое знание всегда сопряжено с феноменом смерти. Познать себя – принять свою конечность. Посмотреть смерти в глаза. Тем не менее, также не стоит забывать о том, что как бы мы бесконечно ни томились в желании вновь возвеличить Просвещенческий разум, XX век нам скорбно предъявил человека как многополярного субъекта, где его животная часть приобретает право на существование. Это ни в коем случае не лишает субъект разума и контроля, вот только его воспитание оказывается более сложным и специфическим. Преодоление инстинктов, по сути, всегда должно сопровождаться возвращением духовной составляющей. Здесь, безусловно, проблема глобальная – и прежде всего базирующаяся на общем устройстве миропорядка с одной стороны, и частности разрешения духовного конфликта с другой. Это неизбежный экзистенциализм на фоне нескончаемой «бесовской пляски»... Но здесь опять возникает этот сложный вопрос – возможно ли воспитать этот конфликт, возможно ли целенаправленно привести к нему индивида, не лишив его истинного значения и ценности? Так или иначе – избегание своей животной, бессознательной сущности, без опоры на духовные структуры также приводит к возникновению невротического тренда.

Очень важным и видным психоаналитиком, который следовал путем «возвращения» индивида, был Эрих Фромм. В своей знаменитой книге «Искусство любить» он описывает общий механизм приобретения невроза, который оказывается очень эффективным в применении к социуму. Однако прежде рассмотрим теорию в частности.

Так, путь приобретения невроза можно линейно выстроить в следующем порядке: материнское лоно – индивид – целостность. В данной динамике Э. Фромм усматривает неизменное стремление индивида в «материнское лоно», в объятия любящей и всё понимающей матери, которое он должен преодолеть. Он должен осознать, что та безмятежность и покой, предоставленные

материнским телом и опекой более не даруют этих чувств, и лишь раздражают невозможностью их достижения. В недоверчивых попытках заполучить невозможное индивид все более вгоняет себя в невротический круг, поскольку возвращение в лоно матери овеяно некрофилизмом – индивид стремится вернуться в небытие. Именно это и обуславливает инстинкты смерти в человеке. Единственный путь спасения – отдаление от матери, поиск своей целостности, которая даёт собственный источник витального счастья и утверждения. Главной целью человеческой жизни становится достижение единства. Фромм пишет: «Человек одарён разумом, он есть сознающая себя жизнь, он осознает себя, своего ближнего, свое прошлое и возможности своего будущего. Это осознание себя, как отдельного существа, осознание краткости собственной жизни, того, что не по своей воле рожден и вопреки своей воле умрёт, что он может умереть раньше, чем те, кого он любит, или они раньше его, и осознание собственного одиночества и отделенности, собственной беспомощности перед силами природы и общества – всё это делает его отчуждённое, разобщённое с другими существование невыносимой тюрьмой. Он стал бы безумным, если бы не мог освободиться из этой тюрьмы, покинуть её, объединившись в той или иной форме с людьми, с окружающим миром» [10]. Единственным конструктивным путём оказывается достижение единства через адекватную реализацию психических сил. На этом пути человек способен преодолевать свои страхи, в том числе главный страх – страх смерти. Ценность описанного Фроммом механизма, как было указано выше, – в его социологическом применении. Эта схема даёт понимание развития общества в контексте экономической реальности. Так, рост производства приводит к росту потребления, что не может не найти отражения в формировании мировосприятия отдельного индивида. Индивид становится потребителем во всех сферах своей жизнедеятельности, даже в тех, которые сопряжены с духовной оболочкой – любовь, дружба и т.д. Это искажает реализацию психических сил. Индивид все больше погружается в состояние тревоги и страха. Что, в свою очередь, толкает его на поиски спасения в пассивности, во временном забытии, в заполнении своей пустоты внешними объектами. Но чем больше пассивность, тем сильнее страх смерти, тем более и более индивид склонен к бессознательным некрофильским образам.

Именно в таком контексте развития мы рассматриваем современное общество. Но Фромм вывел только константу потребления. Любая, даже губительная тенденция находится в рамках своего развития. Отношение к феномену смерти в обществе видоизменилось. Патология этого видоизменения в том, что чем больше общество технически прогрессирует, тем больше оно потребляет, тем больше уходит в сторону от адекватной реализации психических сил и тем сильнее испытывает страх смерти. Гайки механизма закручиваются и таким образом мы наблюдаем тенденцию «слепой смерти» – знаю, говорю, но не вижу. И не вижу не потому, что не хочу, а потому что не умею.

Такое «неумение» оказывается главной проблемой современного западноевропейского общества. Предпосылкой этого всего выступает пассивность. Проблематика данного вопроса по сути затрагивает и другие, ранее обозначенные мной аспекты, такие как социальные и прогрессивные технологии. Однако в первом случае активная позиция индивида позволяет нам в перспективе говорить о некоторой конструктивности, а вторая оказывается неизбежным фактом времени, который косвенно усугубляет пассивную позицию. Сама же пассивная позиция оказывается основным корнем невротической ситуации в обществе.

Итак, в вопросе построения общей картины взаимоотношений современного индивида и феномена смерти, мы должны учитывать его историко-контекстную пассивность (здесь важно не усматривать взаимосвязи с пассивностью индивида в современном обществе), а также его укоренённость в животной природе и, как следствие, многополярность. В попытке «вращения» «здорового» от невротического страха смерти индивида, мы должны учитывать духовную составляющую, которая способна погрузить индивида в экзистенциальные переживания и тем самым помочь ему «взглянуть в глаза» смерти. Иначе мы имеем пассивного индивида, задыхающегося от страха, который ищет спасение в фантазматических структурах, приводящих к персональной деструкции, к невротизму. Он «побеждает» смерть в своей придуманной реальности всё более и более агрессивно. Она становится навязчивым явлением. Тем не менее индивид «не смотрит ей в глаза», так как глубоко в душе он с ней не примеряется, так как всё ещё боится. Здесь мы снова приходим к закономерному вопросу – каковы перспективы данного невротизма в будущем?

«Смертельное безумие» будущего

Можно с уверенностью говорить о том, что все способы иммортализации могут являться конструктивными, если они не сопряжены с фантазматической реальностью. Именно фантазм приводит к искажению, он выступает тем самым агентом, который наделяет их пассивностью. Я склонна рассматривать фантазм как проблему современного западноевропейского общества. И поскольку на данный момент намечается тенденция к усилению фантазматической реальности, можно говорить о некоторых последствиях. На основании приведённых выше доводов можно говорить о невротическом восприятии феномена смерти в обществе. Каковы же перспективы?

Перспектива повсеместного использования приспособлений, замещающих пространство объективной реальности, по сути, опираясь на выводы, приведенные выше, усиливает невротизм общества относительно феномена смерти. Так, у Ф.Н. Ильёва мы можем найти очень интересный пример: «Смерть ассоциируется со старостью, потому создаётся «культ молодости». Признанной внешней приметой старости является дряблая и морщинистая кожа. И похоже, что страх перед старческой кожей есть форма страха смерти. Вероятно, потому успехом пользуются продукты и услуги, которые пытаются противодействовать старению кожи. Это, прежде всего, косметические средства против морщин и пластические операции. Как показывает практика – количество потребителей подобных товаров и услуг в последние десятилетия существенно возрастает. Возможно, это также свидетельствует о том, что в развитом обществе странным образом усиливается страх смерти» [7]. О чём же нам говорит этот пример?

Этот пример указывает на то, что развлекательные и прогрессивные технологии в совокупности, к коим я склонна отнести и индустрию красоты, оказывают повсеместное влияние на формирование определённого типа реальности. Данная реальность – фантазматическая. Все это приводит к тому, что индивид теряет свою истинную реальность, и утрачивает возможность собственной экзистенции как человеческого существа.

Если говорить о современных развлекательных технологиях в целом, то данная область претерпевает очень быстрые технические изменения, целью которых является стремление создания все более привлекательных видов активности. Совре-

менные развлекательные технологии не стоят на месте, предлагая все более новые и изощрённые приспособления. Главной целью развлекательной индустрии на всех ступенях является создание «эффекта присутствия». Парки развлечений по всему свету предлагают вам уже не просто банальное 3D, а 4D и 5D технологии (когда для создания эффекта присутствия в интерактивной реальности происходит воздействие не только на зрительные органы чувств, а также на обонятельные, более того – человек помещается в специальное кресло для создания движения согласованного с визуальными образами экрана), привлекая индивида в виртуальную среду. Создаются специальные гаджеты, такие как Google glass. Это так называемые очки дополненной реальности, которые предназначены для удобного и оперативного получения последних новостей, записи на видео памятных моментов жизни и общения с друзьями. К ним без труда можно подключить сотовый телефон. Такие приспособления, безусловно, облегчают жизнь и делают её интереснее. Однако данный комфорт имеет и обратную сторону. Здесь мы наглядно сталкиваемся с проблемой «размывания границы» между, собственно, объективной реальностью и интерактивной реальностью. Если представить эту границу абсолютно размытой, какого индивида мы увидим? Это будет индивид, напрочь лишённый воли, или индивид-робот, все потребности которого будут удовлетворяться в мгновение ока?

Я склонна считать, что развлекательные технологии всегда идут рука об руку с прогрессивными. Можно утверждать, что nano человек или, к примеру, человек с модифицированным генетическим кодом, не останется в стороне, при разработке новой развлекательной модели. Если рассматривать данную проблематику в долгосрочной перспективе, то проблема выглядит все более усугубленной. Так, Э.М. Спирина пишет: «Человек с искусственным сердцем или искусственной аортой всё ещё может рассматриваться как человек. Имплантированные элементы всё ещё не могут изменить его человеческого самоощущения, его личности и его сознания. Но как только пропорции механических компонентов возрастут, что случится с его сознанием и его опытом? Если мы предположим, что именно с мозгом связано сознание человека и его умственные способности, а другие части тела не влияют на личность. Или собственное «я» слишком сильно, то возможно ввести представление об освобожденном мозге,

мозге без рук, без спинного мозга и других частей тела, как собственного «я» личности, воплощающегося в сознании в сознании. В таком случае можно соединить человеческий мозг со всем набором искусственных датчиков, рецепторов и исполнительных механизмов, т.е. с тем, что называется сплетением проводов и пластика, в одно человеческое существо» [2, с. 80]. Автор, безусловно, права, поскольку в своем стремлении к отрыву от истинной экзистенциальной реальности человек будет стремиться к бессмертию. Теоретическая наука на данный момент предоставляет достаточное количество способов обретения бессмертия. Это и клеточная трансплантология, и применение наномедицины и киборгизация, и т.д. Но будет ли такой индивид истинным индивидом? Не «сломается» ли он на пути к своей нано- и киборг-модели? Ведь при таком натиске его духовная среда может оказаться под огромным давлением. Дело в том, что проблема феномена смерти – это априори неразрешимая проблема. Тем более, разрешение проблемы бессмертного тела не разрешает проблему бессмертного духа. Эти две ипостаси человека должны сосуществовать в совокупности. Но даже если допустить, что это так – выдержит ли дух бессмертие? Не чревато ли стремление полной индивидуальной изолированности и телесного бессмертия тяжелыми психическими расстройствами в будущем? Не грозит ли нам «психическая чума» в будущем?

Так, согласно Всемирной организации здравоохранения к 2020 г. психические расстройства войдут в пятерку болезней, ведущих к потере трудоспособности. Согласно другим статистическим данным более 50 тыс. граждан ЕС погибают ежегодно в результате самоубийств. Это чуть меньше, чем в дорожно-транспортных происшествиях. При этом 15 % страдающих острой депрессией совершают самоубийства, а 56 % – попытки самоубийства. В целом 27 % взрослого населения ЕС страдают той или иной формой психического расстройства. Данная статистика выглядит очень удручающей, особенно если учесть её динамическое развитие по нарастающей.

Таким образом, нужно понимать, что человек не может быть укоренён только в телесном модусе, нужно всегда учитывать его духовную составляющую. Современное западноевропейское общество диктует телесно ориентированные ценности и активности, которые оставляют потребности духа в стороне.

Итак, отношение к феномену смерти в современном обществе оказывается обусловлено определёнными историческими и культурными данностями. Поскольку индивид не может быть всецело автономен в развитии от символического динамического поля, он усваивает эти данности. Однако символические структуры оказываются под воздействием внешних факторов носящих объективно-исторический характер. Учитывая специфику современного времени, можно утверждать, что индивид оказывается под воздействием таких внешних факторов, как развлекательные, социальные и прогрессивные технологии, объединённые общим коммуникационным медийным пространством.

На протяжении всего исторического времени человек стремился найти символическое бессмертие посредством модусов иммортализации, такими как биологический, теологический, творческий, природный и трансцендентальный. Специфика современного времени указывает на проблематику взаимодействия человека с этими модусами, которой оказывается всё более и более захватывающая индивида фантазматическая реальность. Кроме того, современное общество даёт нам возможность констатировать возникновение ещё одного модуса иммортализации, такого как социально-активный модус, который также, наряду с другими модусами оказывается под воздействием фантазма.

Феномен смерти в современном обществе – неразрешимый конфликт. Исторически проблематика смерти до конца оказывается непостижимой для индивида, особенно в динамике ухода от своей духовной составляющей. Такая проблематика возвращается на том, что смерть является одним из экзистенциалов его бытия человека. И её постижение должно также основываться на духовной ипостаси. Индивид современности теряет духовную ипостась в погоне за фантазматическим бессмертием, так нарочито ему навязываемым прогрессивностью и медийным пространством. Он стремится спасти от смерти тело так яростно, что забывает о последствиях такого подхода. Утрата духовной подоплёки в этой погоне приводит лишь к усиливающейся изоляции, и как следствие ещё большему страху перед неизбежностью. Современный индивид смело смотрит в лицо смерти, но безумно боится взглянуть ей в глаза, не понимая, что этот взгляд может принести успокоение.

Список литературы:

1. Шопенгауэр А. Смерть и её отношение к неразрушимости нашего бытия. (URL: http://www.libok.net/writer/4022/kniga/11606/shopengauer_artur/smert_i_ee_otnoshenie_k_nerazrushivosti_nashego_suschestva/read (дата обращения: 09.04.2015)).
2. Спирова Э.М. Символика жизни и смерти // Психология и психотехника. 2010. № 5. С. 75-82.
3. Гуревич П.С. Культурология: учебник для средних профессиональных учебных заведений. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 327 с.
4. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с фр. Общ. ред. С.В. Оболенской. М.: Прогресс-Академия, 1992. 526 с.
5. Баткин Л.М. Возрождение // Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир-эпоха Просвещения. М., 1991. С. 217.
6. Роганов С.В. Критерий «смерти мозга» и трансформация феномена смерти // Центр современной философии и культуры им. В.А. Штофа (центр «СОФИК»). (URL: <http://sofik-rgi.narod.ru/avtor/roganov.htm#2> (дата обращения: 09.04.2015)).
7. Ильясов Ф.Н. Феномен страха смерти в современном обществе // Информационный центр Танатогнозия. 13.09.2013. (URL: <http://tanat.info/fenomen-straha-smerti-v-sovremennom-obschestve-30-09-2013.html> (дата обращения: 09.04.2015)).
8. Жарова М.Н. Этические проблемы трансплантации органов и тканей // Научно-культурологический журнал Regla. № 13[211]. 01.09.2010. (URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2726&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 09.04.2015)).
9. Гуревич П.С. Философское толкование человека. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 472 с.
10. Фромм Э. Искусство любить // Электронная библиотека. (URL: <http://karraba.net/iskusstvo-lyubit-erih-fromm.html> (дата обращения: 09.04.2015)).

References (transliteration):

1. Shopengauer A. Smert' i ee otnoshenie k nerazrushivosti nashego bytiya. (URL: http://www.libok.net/writer/4022/kniga/11606/shopengauer_artur/smert_i_ee_otnoshenie_k_nerazrushivosti_nashego_suschestva/read(dataobrashcheniya: 09.04.2015)).
2. Spirova E.M. Simvolika zhizni i smerti // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2010. № 5. S. 75-82.
3. Gurevich P.S. Kul'turologiya: uchebnik dlya srednikh professional'nykh uchebnykh zavedenii. M.: YuNITI-DANA, 2009. 327 s.
4. Ar'es F. Chelovek pered litsom smerti / Per. s fr. Obshch. red. S.V. Obolenskoj. M.: Progress-Akademiya, 1992. 526 s.
5. Batkin L.M. Vozrozhdenie // Chelovek. Mysliteli proshlogo i nastoyashchego o ego zhizni, smerti i bessmertii. Drevnii mir-epokha Prosveshcheniya. M., 1991. S. 217.
6. Roganov S.V. Kriterii «smerti mozga» i transformatsiya fenomena smerti // Tsentr sovremennoi filosofii i kul'tury im. V.A. Shtoffa (tsentr «SOFIK»). (URL: <http://sofik-rgi.narod.ru/avtor/roganov.htm#2> (data obrashcheniya: 09.04.2015)).
7. Il'yasov F.N. Fenomen strakha smerti v sovremennom obschestve // Informatsionnyi tsentr Tanatognoziya. 13.09.2013. (URL: <http://tanat.info/fenomen-straha-smerti-v-sovremennom-obschestve-30-09-2013.html> (data obrashcheniya: 09.04.2015)).
8. Zharova M.N. Eticheskie problemy transplantatsii organov i tkanei // Nauchno-kul'turologicheskii zhurnal Regla. № 13[211]. 01.09.2010. (URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2726&level1=main&level2=articles> (data obrashcheniya: 09.04.2015)).
9. Gurevich P.S. Filosofskoe tolkovanie cheloveka. M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012. 472 s.
10. Fromm E. Iskusstvo lyubit' // Elektronnaya biblioteka. (URL: <http://karraba.net/iskusstvo-lyubit-erih-fromm.html> (data obrashcheniya: 09.04.2015)).